

М. Б. Пиотровский¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ВОЙНА СТЕРЕОТИПОВ

Диалог культур строится на основе разных механизмов. Одним из них является война или обмен стереотипами, взаимными упрощенными и примитивизированными представлениями друг о друге. Эти стереотипы не пребывают в изоляции, но взаимодействуют, влияют друг на друга.

Постараюсь показать это на примере западных стереотипических представлений об исламском обществе и представлений исламского мира о западном.

Враждебный образ исламского мира сложился на Западе в ходе крестовых походов и обновлялся и «уточнялся» каждый раз, когда идея объединения Европы и европейцев требовала наличия эмоционального «образа врага». Его потребитель — массовое сознание.

Основные черты образа ислама-врага, активно живущие и по сей день, следующие:

— ислам — языческая религия, без оснований претендующая на единобожие. Мухаммед — не посланник Божий, а обманщик;

— ислам — религия меча и насилия. Главное содержание ислама — священная война;

— ислам — религия примитивной чувственности, угнетающая женщин и всякую индивидуальность.

С точки зрения объективного знания все это — полная чепуха, носящая характер злонамеренного искажения. Ислам — одна из ветвей религиозной «концепции» единобожия. О Мухаммеде мы знаем много больше, чем об основателях других мировых религий. Его искренность и талант политического и духовного лидера — несомненные и исторически признаны.

Ислам не более воинствен и агрессивен, чем, к примеру, христианство. На его счету значительно меньше религиозных войн, чем у западного мира. Классическое исламское общество отличалось высоким уровнем веротерпимости. Ислам — сложная высокоразвитая богословская и правовая система, на протяжении веков обеспечивавшая существование богатой и успешной городской цивилизации, процветание философской мысли, религиозной мистики и поэтического и художественного вдохновения.

Между тем культивировавшийся в Европе образ ислама в определенных случаях оказал влияние на представления мусульман о самих себе и своей культуре. Это начало происходить, когда существование христианского мира стало для мусульман заметным и важным фактором, что было далеко не всегда. Первые стимулы имели место там, где возникло долгое или временное соприкосновение культур — в Испании, в Палестине времен Крестовых походов.

Христианская ненависть к Мухаммеду уже очень давно стала стимулом к поиску преданий, предрекавших его появление. Одновременно коранический тезис о том, что Мухаммед простой и обыкновенный человек, претерпел некоторые изменения. Он стал приобретать черты «совершенного человека», превратился почти что в объект поклонения. Даже в сегодняшнем фундаменталистском исла-

ме, который такое поклонение отвергает, Мухаммед является объектом подражания в бытовом поведении, вплоть до длинной бороды и походки. Вчера и сегодня оскорбление Пророка считается тяжелейшим преступлением, за которое даже иноверцу полагается смерть. Так было в средневековой Кордове, так случилось и недавно в связи с «карикатурным скандалом», когда датские карикатуры на Пророка всколыхнули в буре насилия мусульманский мир.

Другой пример — знаменитый джихад. «Джихад» означает «борьба» и далее — борьба ради веры. Он предусматривает разные формы концентрации сил человека — это борьба с собой, проповедь, добрые дела. Военный джихад, «священная война», — только часть этого семантического гнезда. Когда крестоносцы пришли в Палестину, это приняли за одну из многих феодальных войн. Постепенно и под влиянием христианского фанатизма война и со стороны мусульман становилась «священной». Этот образ особенно усилился благодаря Саладину и его победам. По существу, «джихад» = «крестовый поход». С тех пор вся политика Запада на Востоке воспринимается как «крестовый поход». Этому особенно помогло распространение термина «крестовый поход» (crusade — в Европе и Америке) как вообще борьбы за доброе дело. Ответом на этот непрекращающийся «крестовый поход» может быть только джихад (являющийся ему синонимом). Крестовый поход, по сути, не прекращается и сегодня, и то, что вместо Гроба Господня речь идет о демократии, дела не меняет.

Более тесное общение с Западом, освоение его культуры, системы образования породило более серьезную ответную реакцию. Представление о Западе в мусульманском мире стало ориентироваться на те же критерии, что и крестоносная схема. При этом в ход идут как традиционные, так и новые элементы полемики. Нельзя забывать, что творцы этой системы — люди, получившие и традиционно мусульманское, и западное образование (часто даже учившиеся на Западе). Их аудитория — не только широкие массы мусульманских городов, но и миллионы мусульман, живущих в христианских странах, ежедневно и часто болезненно сталкивающихся с западной культурой.

Получается такой вот зеркальный образ:

— христианство — измена единобожию. Нарушением единобожия является обожествление Христа, поклонение Деве Марии, идея Троицы. Впрочем, даже и христианство не господствует на Западе. Большинство людей впади в полное язычество и вообще не думают о Боге. Их моральное падение заразно;

— западное общество построено на насилии и ограблении других народов. Оно ведет непрерывную агрессивную войну против мира ислама. Колониализм, уничтожение Османской империи, империализм, неоколониализм, создание Израиля, захват Афганистана и Ирака — все это перманентная агрессия, являющаяся сутью западного образа жизни;

— западный мир погряз в материальных интересах, полностью пренебрегая не только духовностью, но и моралью вообще. Погоня за наживой, разврат, азартные игры, пьянство и наркомания — вот образ сегодняшнего Запада;

— в западном мире женщина стала предметом открытой купли-продажи и полностью лишена достоинства и уважения;

— западная экономическая система, построенная на аморальном принципе ростовщичества, ведет к разорению и краху.

¹ Член-корреспондент РАН, академик Российской академии художеств, директор Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук, профессор.

Автор более 200 научных работ: «О мусульманском искусстве», «Исторические предания в Коране», «Коранические сказания», «Сверхмузей в эпоху крушения империи (музей как фактор эволюции)», «Мусульманское искусство: между Китаем и Европой», «Предание о хиньгаритском царе Ас'аде ал-Камиле», «Южная Аравия в раннее средневековье. Становление средневекового общества» и др.

Заместитель председателя Совета по культуре и искусству при Президенте РФ, председатель Конгресса петербургской интеллигенции. Председатель Союза музеев России, главный редактор журнала «Христианский Восток», председатель попечительского совета Европейского университета в Петербурге.

В разгар войны Европы с турками византийский писатель XV века святой Симеон Фессалоникийский так охарактеризовал мусульман, следуя во многом Иоанну Дамаскину: «И никто из благочестивых да не заблуждается, видя блаженствующих нечестивцев, плотских и страстных, и наслаждающихся в мире, угнегающих и порабающих благочестивых, захватывающих их в плен и по-разбойничьи собирающих богатство, наслаждающихся всеми удовольствиями и бесчинствами и при всем этом хвлящихся, радующихся и думающих о себе как о праведных, которые намерены эту порочную и беспутнейшую жизнь точно так же продолжать, и помимо преследования и убийства благочестивых поносят они веру нашу»¹.

Сегодня точно такие же слова, только с другим «знаком», могут звучать из уст Усамы бен Ладена или Аймана аз-Завахири.

Как видим, зеркально структурированный образ построен из элементов, взятых из западных же оценок своего общества, из действительности, видимой простым глазом. Такие зеркальные отражения и преломления, сведенные вместе, не просто отражают сегодняшнюю борьбу идей. Они могут быть хорошим инструментом понимания и описания культуры в ее внешних связях. Не изнутри, не снаружи, в ряде зеркальных преломлений.

Сказанное выше — тезисы и выводы специального исследования. Ниже я осмелюсь предложить для обсуждения некоторые наброски подобного анализа взаимного образа Запада и России. Об этом писали много. Но если следовать представленной выше схеме, то получается следующее.

Характерные черты России в западных глазах (массовое сознание):

- экономическая мощь и технологическая отсталость;
- преобладание прав общества, государства, коллектива над правами индивида;
- повсеместная и традиционная коррупция, непрозрачность финансовых потоков;
- пуританское лицемерие в морали и в быту.

В ответ на это в нашем собственном представлении о самих себе мы подчеркиваем:

- историческую ориентацию на прогресс в отдельных областях экономики и технологии (природные ресурсы, транспорт, вооружение, металлургия, энергетика);
- базовую идею соборности и служения как основ нашей исторической психологии.

Реакцией на всякие западные упреки можно считать и необыкновенно возросшую роль церкви, распространение показного благочестия и страха совершить богохульство.

Предъявляемые нам недостатки мы склонны признавать, постепенно превращая их в достоинства.

Одновременно строится «зеркальный» ответ по вполне мусульманскому принципу — «на себя посмотрите».

Экономическая система Запада прогнила изнутри и ведет к угнетению и обнищанию. Потому западные модели проваливаются при попытке применить их в России.

На самом деле угнетение индивида на Западе носит очень жестокий характер, но вуалируется иллюзионными аттракционами «демократии». Западная демократическая система всего лишь более утонченный способ господства над личностью.

Внутренняя коррупция не только широко распространена на Западе, но и является стержнем его экономики и морали. Тому свидетельства — и многочисленные скандалы, и последний кризис.

Моральное разложение западного мира с его фетишизацией материального успеха и наживы, преступностью, наркоманией и сексуальным разгулом — признак разложения, прикрываемый лицемерными рассуждениями о морали и свободах.

Сказанное выше — не тезисы, а приглашение к дискуссии.

Думаю, что война взаимных стереотипов конструирует весьма динамичную модель действительности. А ее сходство с аналогичной моделью советского времени показывает, что история культуры мыслит более крупными категориями, чем смена политических режимов.

¹ Византийские сочинения об исламе (Тексты переводов и комментарии) / пер. Ю. В. Максимова, Е. П. Ореханова, под ред. Ю. В. Максимова. М., 2006. С. 213.